

Хотя клан Шан не вмешивался в политику и всем сердцем был предан лишь торговле, его представители прекрасно разбирались в ситуации во всех крупных империях, а кроме того, обладали целой сетью, созданной специально для сбора информации.

Шан Янь была отлично осведомлена о положении дел в Империи Тяньлун, и она, разумеется, прекрасно понимала, кто именно жаждет смерти Жун-вана.

Именно поэтому, услышав слова Лю Сяожуна о мести, Шан Янь поспешила занять столь определенную позицию. Если бы помощь, потребовавшаяся Жун-вану, затрагивала самую сердцевину власти Империи Тяньлун, она бы действительно оказалась бессильна.

— Кого же еще я могу найти? Конечно же, тех горных разбойников, — с жестоким выражением в голосе произнес Лю Сяожун. — Раз уж они вонзили в меня нож, я должен в ответ вонзить нож в них. Такое нельзя спускать с рук и просто забывать.

Даже у глиняной фигурки найдется хоть капля терпения, что уж говорить о живом человеке?

— Так вы собрались иметь дело с горными разбойниками! — Шан Янь мысленно вздохнула с облегчением.

Хотя подавление бандитов неизбежно затрагивало имперскую власть, это касалось лишь ее самых отдаленных окраин. Клан Шан не был большим мастером в подобных делах, но применив кое-какие методы, вполне мог с этим справиться.

Гуй Цзю добавил:

— Эти разбойники потеряли всякий страх и дерзнули совершить покушение на Ваше Высочество. Используя это как повод, Ваше Высочество вполне имеет все основания пойти и уничтожить их.

— Во-вторых, если в этот раз Ваше Высочество сможет истребить бандитов, это не только избавит жителей уезда Сиян от великого зла, но и снискает вам добрую славу. Как ни посмотри, это благое дело, полезное и для других, и для себя. Прошу старшую мисс Шан непременно оказать поддержку!

— Что касается денег, тут не возникнет никаких проблем.

Шан Янь тут же приняла решение:

— Пока речь идет о разумных расходах на подавление бандитов, наш клан Шан окажет безусловную поддержку. Но проблема в том, что вы же не можете просто бросить деньги на борьбу с разбойниками! Я имею в виду, что вопросы формирования армии вам придется решать самостоятельно — клан Шан в этом участвовать не будет.

— Разумеется! В конце концов, это мое личное дело, как я могу заставлять мисс Шан тратить и деньги, и силы? — кивнул Лю Сяожун.

По правде говоря, то, с какой легкостью Шан Янь согласилась, превзошло все его ожидания. И хотя он неустанно повторял, что это дело — лишь его личная вендетта с разбойниками, нельзя было отрицать, что в конечном итоге оно неизбежно затронет военную и политическую сферы империи, и малейшая неосторожность могла привести к пожару, который спалит его самого. Любой неглупый человек понимал, что это далеко не простая сделка.

Однако Лю Сяожун и ведать не ведал, что Шан Янь согласилась так быстро лишь для того, чтобы выполнить приказ собственного отца: оставаться в Цзиньяне и оказывать содействие Жун-вану.

На данный момент это было важнейшим, можно даже сказать, единственным заданием Шан Янь. Именно из-за этого семейного поручения она, при всей своей злости и нежелании иметь что-либо общее с судьбой Лю Сяожуна, в конце концов все же явилась в резиденцию Жун-вана с исцеляющим пластырем.

Что примечательно: тот самый глава клана Шан, с которым ей еще не доводилось видеться лично, отдавая этот приказ, — то ли по недосмотру, то ли намеренно оставляя тайный намек, — не стал, как это бывало обычно, специально и четко указывать Шан Янь на запрет участвовать в политических сделках Резиденции Жун-вана.

Даже в последующей переписке секретными посланиями ответы главы клана состояли всего из нескольких, а то и вовсе из одного-единственного иероглифа.

Из этого следовало, что ее отец тоже чрезвычайно осторожно и осмотрительно подходил к данному вопросу.

По сей день Шан Янь никак не могла взять в толк, почему отец нарушил многовековые семейные правила, подавая ей знаки, поощряющие участие в политической борьбе Империи Тяньлун, и почему в качестве избранника пал выбор именно на Жун-вана.

Тем не менее, она смутно чувствовала, что все происходящее, скорее всего, имеет самое прямое отношение к Священному мечу.

Но как бы то ни было, до получения четких дальнейших указаний от отца финансовая помощь Жун-вану оставалась абсолютным пределом того, что Шан Янь была способна сделать.

Проводив Шан Янь руками Гуй Цзю, Лю Сяожун принял более удобную позу, полулежа на длинном кресле. Боль в ране на груди ежесекундно напоминала ему о том, в каком опасном положении он сейчас находится.

В этот раз он действительно проявил беспечность.

Он думал, что с Гуй Цзю за спиной можно будет жить не зная забот, но никак не ожидал, что те люди переоденутся в женские наряды.

Было ли это потому, что все шпионы, следившие за ним в резиденции Жун-вана, были подчистую убраны Гуй Цзю?

Возможно!

Но это уже не имело значения. Важно было то, что Лю Сяожун страшно боялся смерти. А тот, кто сильно боится смерти, обычно больше всего на свете хочет выжить.

Именно так обстоят дела у Лю Сяожуна сейчас: он ведь не станет покорно умирать только потому, что кто-то этого страстно желает.

Раньше он притворялся глупцом и не давал ответа Шан Янь, потому что хотел выжить; теперь же он сам просил Шан Янь сдержать обещание по той же самой причине — он хотел жить.

— Похоже, те двое моих дорогих братцев и впрямь не желают моего присутствия в этом мире!

Лю Сяожун горько усмехнулся, ощущая глубокую беспомощность.

— Но я же не могу сидеть сложа руки и ждать гибели. Должен же я что-то предпринять, чтобы они не разочаровались.

Покушение на императорского принца в любом государстве неизбежно вызвало бы сильнейшие потрясения в местных эшелонах власти, и не исключено, что многие лишились бы голов.

И только когда это случилось с Лю Сяожуном, всё прошло тихо и гладко. Впрочем, с другой стороны, это дало Лю Сяожуну шанс самому взять всё в свои руки.

На данный момент Лю Сяожун был принцем без четырех опор: без денег, без власти, без влияния и без поддержки при дворе.

Что же до обещания самой Шан Янь оказать безусловную финансовую поддержку, то, пока он не увидел звонкую монету воочию, кто мог гарантировать, что она внезапно не передумает?

К тому же, даже если Шан Янь сдержит слово, верно подметил ее же собственный аргумент: сколько бы денег ни было, он, Жун-ван, не может просто так швыряться ими ради борьбы с

бандитами.

В конечном счете Лю Сяожуну была необходима армия, способная справиться с этой задачей.

А это затрагивало куда более щекотливую проблему — военную власть!

Подавление разбойников — дело отнюдь не простое. Помимо справедливого повода, необходимо получить официальное одобрение империи, или по крайней мере военных кругов.

В противном случае это квалифицируется как незаконное вооруженное формирование!

Тогда недоброжелатели настрочат донос, престарелый император издаст случайный указ — и он окажется ввергнут в пучину вечных бедствий.

Вот почему позиция военных являлась главным из главных вопросов!

Как же разрешить эту задачку?

Лю Сяожун быстро набросал два возможных пути: первый, разумеется, обратиться к правителю уезда — Фэн Цзыцаю. Этот тип был главой уезда Сиян, высшим административным лицом в здешних местах, в чьих руках определенно находились военные силы для поддержания местного порядка. Уничтожение бандитов напрямую касалось благосостояния народа, и стоило этому негодяю отдать приказ, как все трудности Лю Сяожуна разрешились бы сами собой.

Однако со времени покушения на Лю Сяожуна прошло почти целые сутки, а этот управитель даже не соизволил пукнуть в его сторону. И без всяких догадок было понятно, что заставить эту особь кивнуть в знак согласия практически невыполнимо!

— Раз так, мне остается только залечить раны, а затем отправиться на свидание с той самой пресловутой воительницей-красавицей, о которой я грежу и днем, и ночью!

При этой мысли сердце Лю Сяожуна, едва не проткнутое насквозь вражеским клинком, вновь запылало жарким огнем.

Ничего не поделаешь: сколько волка ни корми, а он всё в лес смотрит!

<http://bllate.org/book/21193/2145613>